21. „Милой ладушка, за нами погóнюшка не простáя, а родимой тятинька летитъ пѣтухомъ!“ — Оввернула ево орломъ, а сама сдѣлалась *дрéвой*, и на древѣ всякіе цвѣты. Мужу сказала: „мотри, прилетитъ, будетъ цвѣты рвать, ты тогда не робѣй: подымись, пѣтухá подъ себя и рви несчáдно, изъ ево штобы пéрьи летѣли пушшэ!“—Тогда исправилась она дрéвой, ево исправила орлóмъ; и онъ сялъ подъ дрéво тогда, орёлъ.

22. Долетаетъ до етова древа и сказалъ чудóвишшо: „а, это дѣти мои, дѣти мои! Я ихъ сейчасъ ворочу!“ — Сялъ на ето древо, нáчалъ цвѣты рвать. А орёлъ поднялся, тогда пѣтуха етова схватилъ и подъ себя; давай ево мять и рвать, только пухъ изъ ево летитъ. Тогда сказалъ пѣтухъ: „бáтюшко-зятюшко, отпусти меня! тогда я не буду никогда больше гонятца за тобой: кудú вы знаите, туды и *тупáйте*!“— Орёлъ сказалъ: „не проси меня, а проси дóчери: велитъ отпустить, такъ я не стану тебя больше и рвать“.—То пѣтухъ сталъ умáливать у дочери: „милая дочь, отпусти! не буду я больше васъ *житить* и догонять!“—То она приказала своéму мужу бросить ево.

23. То распростились онѣ съ родителемъ. Онъ отправился домой, также этѣ пошли къ своéму отцу. Приводитъ домой отъ этова чудовишша жену; образовáли её какъ слѣдуетъ. Приказалъ повѣнчацца съ ей.

---

25. [Солдатъ и Смерть].

1. Салдатикъ шолъ домой. Зашолъ онъ на пристань. Въ прежніе, видно, было дѣло годá. Истинный Христосъ сказалъ: „куды жо ты, салдатикъ, пошолъ?“—„Я отправился домой. А ты куды?“—„Я отправился на своé дѣло“, говоритъ.—„Чѣмъ намъ пѣшкомъ идти, наймёмъ, — говоритъ [солдатъ]:—на кораблѣ насъ перевезýтъ мóремъ“.—А Истинный Христосъ сказалъ: „у меня денегъ нѣтъ“.—Солдатъ говоритъ: „у меня деньги есь; я за тебя залóжу и за себя также“.

Салдатъ за ево деньги залóжилъ, а за себя у ево денегъ не хватáетъ, мало. Салдатъ сказалъ, што „я привы́шенъ идти, пойду и пѣшкомъ; а ты *айдá* на кораблѣ, деньги я за тебя залóжилъ“.

2. А Истинный Христосъ сказалъ: „попадётъ тебѣ *колокъ*; заходи въ этотъ ко́локъ: тутъ лежитъ мѣдная узда̀; и ходитъ въ полѣ бурой мѣринъ—ты ево лови; онъ тебѣ да́сса, ты ево не бойся!“—То, дѣйствительно, солдатъ заходитъ въ колокъ, нашолъ мѣдную узду́ и пошолъ опять въ путь. И видитъ салдатъ: ходитъ медвѣдь; и подходитъ онъ къ медвѣдю, ловитъ медвѣдя на узду. Пріѣзжаетъ онъ на медвѣдѣ въ городъ. А въ городѣ ему негдѣ фате́ры не даютъ: на медвѣдѣ ѣдетъ.

3. Пріѣзжаетъ къ етакому купцу. Купецъ ево посылаетъ въ пустой домъ начева́ть. А изъ етова до́му купца вы́жила *кики́мора*: жить въ домѣ нельзя. Онъ ево и посылаетъ, салдата. Салдату отвели домъ. Онъ привяза́лъ своёва бурова коня́, приходитъ въ ы́збу (въ ко́мнату); дровъ нѣтъ. Вышолъ онъ на *дворе́цъ*, на́бралъ но́шу дровъ; затопля́етъ онъ *очагъ*. Затопилъ очагъ, самъ нога́ на но́гу склалъ—сидитъ поку́ривать. Потомъ поднимаетца буря: вдругъ шумъ, погода заходила, и кати́тъ въ домъ кики́мора.

Кикимора говоритъ, што „хто въ дому?“—А салдатъ сидитъ, отвѣчаетъ: „я́ въ дому, салдатъ!“—Кикимора отвѣчаетъ: „кикомора въ домъ, такъ солдатъ вонъ! я тебя *ухожу́*!“—„Нѣтъ, я служи́вой человѣкъ, такъ я тебя скорѣ ухожу́!“

4. „Салдатъ, не ругайся! давай лучше въ карты поиграмъ съ тобой!“—„Давай!“ говоритъ. Солдатъ и говоритъ: „ты какіе берёшь?“—„Я беру бу́би. А ты, солдатъ, берёшь каки́?“—„Я беру *кре́сти*“.—Кикимора отвѣчаетъ: „когда ты кре́сти берёшь, я съ тобой играть не буду!“—„Врёшь, кики́мора! если ты играть не будешь, я на тебя крѣсти надѣну!“—Какимора пошла́, закричѣла, што „я больше въ домъ не пойду!“—„А если,—я поживу здѣсь,—кикимора, придёшь, тогда я на тебя надѣваю кре́сти!“

5. Купецъ поутру́ рано пріѣзжаетъ, солдата навѣшша̀тъ: живъ ли (въ этѣмъ дому)? То купецъ сказалъ, што „живъ ли? здоровъ ли? што не сдѣлалось ли надъ тобой?“—Солдатъ отвѣтилъ: „кикимора приходила, я её прогоня́лъ, она теперь во вѣки не придётъ къ тебѣ въ домъ!“—Купецъ вынимаетъ сто рублей денегъ, подаётъ солдату за ето.

6. Онъ получилъ сто рублей денегъ, отправился впередъ.—„Теперь мнѣ, по крайней мѣрѣ, на дорогу будетъ

денегъ!"—А у купца у этова была мéльница, водянна́я. И эта кики́мора прихóдитъ, заявля́етца въ эту мельницу; всѣ жернова́ поброса́ла, всё полома̀ла; *похи́тка* сдѣлалась. Купцу пріѣхали съ мельницы, сказали. Купецъ догадался: „непремѣнно ето ворвала́сь опять кикимора! Розыска́ть солдата по всѣмъ доро́гами, воротить ево: онъ опять,—говоритъ:—выживётъ её".

Солдата розыскали, привезли́, што „тебя господинъ купецъ про̀ситъ усердно; што въ мельницѣ сдѣлалась похитка".—Солдатъ ворóтился. Пріѣзжаетъ солдатъ къ купцу; купецъ и говоритъ: „служи́винькой, постарайся! вотъ я тебѣ подарю́ двѣсти рублей денегъ".—„Ладно", говоритъ.

7. Солдата привозятъ въ эту мельницу. Солдатъ по ве́черу затопляетъ печку, самъ сидитъ—поку́риватъ. И вдругъ являетца буря *страши́мая*, и яви́лась къ ему въ избу́шку кикимора. Кикимора отвѣчаетъ, што „хто въ дому́?"—„Я!"—Кикимора говоритъ: „кикимора въ домъ, такъ солдатъ вонъ!"—„Врёшь,—говоритъ: —мать твою такъ!" говоритъ. (Солдатъ говоритъ). „Солдатъ въ домъ, такъ кикимора вонъ!"—Кикимора говоритъ: „не ругайся, солдатъ! лучше въ ка̀рточки давай поигра́мъ!"—Солдатъ говоритъ: „ты какіе берёшь?"—„Я беру бу́би".—„А я *кре́сти*!"—„Если ты кре́сти берёшь, я и играть не стану!"—„Врёшь! Если ты жернова̀ не поло́жишь и всё какъ есь не изла̀дишь, я на тебя кре́сти надѣну!"—Кикимора отвѣтила, што „я всё исправлю, только на меня крести не надѣвай!"—„Исправь всё! штобы тебя больше и не́ было здѣсь!"

8. Поу́тру ку̀пецъ къ салдату являетца.—„Ну, какъ, служивинькой?"—„А ничево́! мельницу пушша́й въ ходъ: всё на дѣлѣ!"—Купецъ осмотрѣлъ; видитъ, што всё сохранно ста́ло, хорошо̀. То купецъ вынимаетъ, ему подаетъ двѣсти рублей денегъ. Поблагодарилъ солдатъ, отправился опять домой.

Выходитъ солдатъ въ по́ле, пушшаетъ своёва бу́рку, снимаетъ съ ево узду́, бро́силъ въ сторону.—„Не нужно мнѣ коня́, я привы́шенъ и пѣшкомъ ходить!"

9. Шолъ онъ близко ли далёко ли, низко ли высоко ли,—попалъ къ ему старикъ встрѣчу. — „Што, служи́винькой, куды жо ты пошолъ?"—„Да я пошолъ на свою ро́дину, домой". — „Наймись-ко ты въ дежу́рство ко мнѣ на три года:

стоять на караýлѣ, а докладъ будетъ твой!"—Дѣйствительно, онъ согласился: „я дежýрнымъ стоять привыкъ, рабóта лёгкая!"

Стоялъ на часахъ, вдругъ къ ему Смерть пришлá. Солдатъ увидѣлъ эту Смерть.—„Хто такой?" говоритъ.—„Я,—говоритъ:—Смерть!"—„Погоди́,—говоритъ:—докладъ мой!"

10. Тогда онъ догадáлся, солдатъ, хто тутъ живётъ. Приходитъ къ Истинному Христу и говоритъ: „Истинный Христосъ, Смерть пришлà, работы проситъ".—„Поди́, ей скажи, штобы нынѣшней годъ она старыхъ стариковъ и старушекъ морúла!"—Вышолъ солдатъ и думатъ: „если мнѣ ето сказать, умори́тъ она у меня отца и мать, а приду́ я ни къ чему". Вышолъ и говоритъ: „Смерть, Истинный Христосъ велитъ: нынѣшной годъ старой дубни́къ гложи́!"

11. Годъ проходитъ, она опять приходитъ. — „Погоди, — говоритъ:—Смерть! докладъ мой, не смѣй ходить! Я на́ три года нанялся".—Приходитъ къ Истинну Христу и говоритъ: „Истинный Христосъ, Смерть пришлá, работы проситъ". — Истинный Христосъ сказалъ: „поди, — говоритъ: — пушай сре́дней нынѣшной годъ народъ моритъ!" — Солдатъ и думаетъ: „если она моихъ бра́тьевъ уморитъ, съ кѣмъ я тогда попирую? Дѣло дрянь!" — Выходитъ и говоритъ: „Смерть, нынѣшной годъ сре́дней дубникъ гложи!" — „Эко, — говори́тъ:—Истинный Христосъ какъ на меня воспрогнѣвался!"

12. Потомъ второй годъ проходитъ, Смерть опять къ нему приходитъ.—„Стой, Смерть, докладъ мой!"—Приходитъ къ Истинному Христу: „Истинный Христосъ, Смерть опять работы проситъ".—Истинный Христосъ приказалъ: „пушай она нынѣшной годъ ма́линькихъ ребятъ моритъ!" — Вышолъ.—„У братьевъ есь мальчики и дѣвушки, если я приду, съ кѣмъ я позабавлюсь? Дѣло дрянь!" одумыватъ солдатъ.—*То* вышолъ и говоритъ: „нынѣшной годъ—самой моло́динькой дубникъ, — тотъ и гложи!" — „Ну, ладно, — говоритъ: — этотъ мнѣ всё помя́кше!"

13. Солдатъ немножко вздремнулъ, а Смерть прошвы́ркнула къ Истинному Христу въ комнату. Истинный Христосъ сказалъ: „вотъ, Смерть, што ты *бóльно* худая стала?"—„Какъ же, Истинный Христосъ, я,—говоритъ:—всѣ три года дубъ глода́ла!"—Потребовалъ Онъ солдата.—„Солдатъ, тебѣ не это я приказывалъ! а ты што Смерти такую работу да

валъ? За ето я тебя оштрафую!“ — „Какой ты штрафъ налóжишь, Истинный Христосъ, на меня, тотъ и понесу!“ — „Посади ты эту Смерть на свой горбъ и носи её три года на горбу!“ — „Садись, — говоритъ: — Смерть, поѣдемъ! куды тебѣ надо?“

14. Заходятъ онѣ въ городъ. Смерть и говоритъ: — „давай, солдатъ, этова купца уморимъ съ тобой! тутъ обѣдъ сдѣлаютъ хорошой: намъ пишша будетъ хорошая!“ — А солдатъ сказалъ: „тутъ живётъ становой и исправникъ, я сейчасъ скричу, тебя свяжутъ и посадятъ тебя въ тюремной замокъ — всѣ три года просидишь!“ — А Смерть отвѣчаетъ: „куды теперь я?“ — „Я отопру табатéрку, такъ ты залѣзай въ неё!“ — Отворилъ онъ табатерку; Смерть залѣзла въ эту табатерку; онъ заперъ и завязалъ эту табатерку. И въ табатеркѣ онъ проносилъ всѣ три года.

15. Потомъ приходитъ къ Истинному Христу; выпушшаетъ Смерть изъ табатерки. Истинный Христосъ увидалъ и говоритъ: „што же ты, Смерть, прозеленѣла шипко?“ — „Какъ не прозеленѣшь, — говоритъ: — Истинный Христосъ? всѣ три года протаскалъ меня солдатъ въ табатеркѣ!“ говоритъ. — „Какъ ты въ ево табатерку могла залѣсти?“ — „Онъ сказалъ, — говоритъ: — што тутъ живутъ исправникъ и становой: я, — говоритъ: — про тебя скажу, тебя, — говоритъ: — закуютъ въ тюремной замокъ. Отворилъ табатерку: вотъ залѣзешь туды, такъ тебя никуды не дѣваютъ! Не на дóлгое время, говорилъ, а потомъ проносилъ всѣ три года!“

16. „Ну, солдатъ, молодéцъ! Чё жо тебѣ за всѣ эти шесь годовъ?“ — „Не знай ужъ, Истинный Христосъ! чево подаришь“. — „Деньгáми, или тебѣ надо царство?“ — Солдатъ на то сказалъ: „ну-ко, покажи мнѣ царство, *поглянецца* ли?“ — Солдатъ сидѣлъ въ эдакимъ хорошимъ мѣстѣ, въ раю; всё хорошо. Просидѣлъ трои сутки. Истинный Христосъ ево спрашивалъ: „*глянецца* ли такое тебѣ царство?“ — Солдату не поглянулось это царство. — „Мнѣ, — говоритъ: — тó бы царство: по крайней мѣрѣ скрипки и гитары, и штобы табаку было довольно, и трубка штобы былá хорошая, чубукъ дóлгой!..“

17. То отвёлъ ево въ другое царство. Трои сутки просидѣлъ солдатъ; Истинный Христосъ и спрашиваетъ: „Ну, глянецца ли тебѣ это царство?“ (гдѣ табаку довольно). —

Солдатъ сказалъ, што „мнѣ ѐнто ндра́вицца царство: въ э̨тѣмъ царствѣ можно сидѣть!“—Истинный Христосъ на то ему сказалъ: „Поди ты теперь домой: у тебя отецъ съ матерью живы, и братовья́, и есь у братовьёвъ внучки — есь съ кѣмъ позаба̀вицца! Твоя жизь ешо впередѣ. За то я тебя, солдатъ, жалѣю, што ты за меня деньги заплатилъ, ты былъ мой това́ришшъ!“

То онъ приходитъ домой. Стрѣтили ево бра̀тьи и отецъ съ матерью; завели гулянку. До́ма погуляли.

---

26. [Иванъ дуракъ].

1. Жилъ былъ мужичёкъ. У мужичка былъ сынъ Иванъ дуракъ. И онъ, этотъ старичёкъ, отдавалъ за́мужъ сво дочь. И пошла́ она на озеро за водой. Приходитъ на плотъ и пла́четъ. Потомъ посыла́ли Ивана дурака за ей: што́ она долго нейдётъ?—Иванъ дуракъ заходитъ къ сестрѣ на плотъ.—„Отчево ты, сестра, плачешь?“—„Какъ мнѣ не плакать?! Принесу я сына Ивана, а сынъ Иванъ у меня умрётъ!“—Сказалъ Иванъ дуракъ: „вотъ какіе есь дураки́! меня считаютъ дуракомъ, а ишо хуже меня! Пойду я по селенью: если дурнѣе ихъ найду́, то дѣло будетъ такъ!“...

2. Идётъ по деревнѣ, а мужикъ са̀дитъ корову на баню.—„Што ты, мужикъ, дѣлаешь?“—„Вотъ кормъ пропада̀етъ даромъ; хочу коровѣ вы́травить, засади́ть корову“.—„Што́ ты дашь—я вытравлю коровѣ?“—Мужикъ говоритъ: „я тебѣ три рубли дамъ, только вытрави кормъ!“—Иванъ дуракъ приказалъ *литóвку* принести, вы́косилъ, помаленьку бросалъ коровѣ,—корова съѣдала кормъ. Страви́лъ етотъ кормъ, получилъ три рубли денегъ, отправился опять селеньемъ.

3. Идётъ онъ селеньемъ, а богатой мужикъ направилъ ды́шло и хомутъ—загоняетъ лошадь въ ды́шлы. Иванъ дуракъ приходитъ.—„Што вы дѣлаите?“—„Да вотъ нужно лошадь намъ загнать, и въ дышло запряглáсь штобы лошадь“.—Иванъ дуракъ говоритъ: „што́ заплатите—я запрягу?“ — „Сто рублей“. — Онъ узду́ на нее надѣлъ, надѣлъ хомутъ и запрёгъ въ дышло. Получилъ сто рублей отправился въ городъ.